

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА А. БЛОКА В ПОЛЬШЕ

Взаимосвязи польской и русской литератур имеют богатые традиции, уходящие в глубь веков. Основой контактов является типологическая близость исторического и культурного развития России и Польши – при всем его национальном своеобразии в той и другой стране.

Богатыми и особенно интенсивными польско-русские литературные связи были во второй половине XIX века и на рубеже XIX и XX веков, несмотря на неблагоприятные политические условия. Исследование польско-русских литературных отношений, как указывает Е.З.Цыбенко, показало, что формы их были самые разнообразные: национальная адаптация, подражание, влияние, инспирация, литературные аналогии, переводы, типологическое сходство и др.[4, с.24]. Это разнообразие контактных и типологических исследований обусловлено спецификой сравнительного литературоведения.

Для полного исследования какой-либо проблемы сравнительного литературоведения нельзя обойтись каким-то одним методом сравнительного анализа, т.е. необходимо сочетание типологического и контактологического подходов. Именно в связи с этим до сих пор нет достаточно полного исследования проблемы «А.Блок и Польша».

Эта тема имеет два аспекта: во-первых – польские мотивы в творчестве А. Блока, во-вторых – восприятие творчества Блока в Польше.

Польские мотивы и сюжеты во всем их разнообразии находили художественное воплощение в творчестве многих предшественников Блока. Однако особое место тема Польши, ее историко-философского осмысления заняла в поэме «Возмездие», в которой автобиографизм переплетается с историко-

философскими проблемами и обобщениями. Замысел «Возмездия», как известно, возник под впечатлением поездки Блока в Варшаву, смерти и похорон отца, а также самых разнообразных варшавских впечатлений, размышлений и переживаний поэта. Совсем не случайно в третьей главе, как подчеркивал сам поэт в «Предисловии», «действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву – кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, по-видимому, играть некую мессианскую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши» [1, т.3, с.299]. В начале третьей главы поэмы поэт писал:

*Отец лежит в «Алле роз»,
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, -
И вот – в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь все, что было, все, что есть,
Надуто мстительной химерой... [1, т.3, с.332].*

Личное и частное переплеталось у Блока с общим планом, русские – с поляками и евреями, Петербург – с Варшавой, Россия – с Польшей. Варшавская тема в поэме перекрещивается с общепольской, сливается с ней:

*Страна – под бременем обид,
Под игом наглого насилья,
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд [1, т.3, с.340].*

Преобразованию варшавской темы в общепольскую, их органической взаимосвязи всячески содействует пронизывающий всю поэму лейтмотив «возмездия», воплотившийся, по словам самого поэта, в мазурке – танце, «который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах» [1, т.3, с.299].

Поэма «Возмездие» вызвала в Польше огромный интерес, что, учитывая вышесказанное, не удивительно. В 1923 году появилась статья «Польша в поэме А. Блока «Возмездие» известного критика К.В. Заводзинского [9], одного из самых активных популяризаторов русской поэзии в междувоенной Польше. До знакомства с поэмой Блока он был убежден, что выдающиеся русские поэты почти не уделяли Польше внимания и, в лучшем случае, посвящали ей несколько слов. На этом фоне, считал критик, тем ярче выступает полонофильская позиция Блока. Для подтверждения своего мнения Заводзинский цитирует в прозаическом переводе фрагменты поэмы, в которых говорится о Польше, Варшаве, польском вопросе.

Важным этапом восприятия «Возмездия» в Польше явилась также полемика Заводзинского с Сергеем Кулаковским по поводу статьи последнего «А. Блок и Польша» [7]. С. Кулаковский, русский эмигрант, часто выступал в польской литературной печати со статьями о русской поэзии. Истолкование основной идеи поэмы, предложенное С. Кулаковским, показалось недостаточно глубоким К.В. Заводзинскому, который считал недопустимым сводить замысел и идею поэмы к мелкому полонофильству.

Вацлав Ледницкий назвал «Возмездие» «польской поэмой». Это определение поддержали и дополнительно аргументировали К.В. Заводзинский и Збигнев Бараньский [5]. Последний считает «Возмездие» самым важным *rolonіcitch* в русской художественной литературе конца XIX – начала XX века. Достаточно интересные заключения об отношении Блока к Польше содержатся в статье Телесфора Позняка «Александр Блок в кругу польских проблем» [8].

Можно отметить возникновение большого количества литературных статей о польских источниках поэмы «Возмездие». Своего рода итог этой теме подвел Адам Галис в своей книге «Восемнадцать дней Александра Блока в Варшаве» [6]. Эта книга представляет несомненный интерес для исследователей восприятия творчества Блока в Польше. На основе большого количества архивных и печатных источников и документов А. Галис реконструирует пребывание поэта в Варшаве, а также его связи с Польшей и поляками. Исследователь по строкам и страницам поэмы прослеживает путь поэта по Варшаве, пытаясь воссоздать его настроение и наблюдения.

Польский вопрос волновал Блока, как и многих представителей интеллигенции того времени. Но в блоковском восприятии Польши и Варшавы большое значение имели факторы биографического характера и коллизии жизненного пути поэта. Творческое сознание требовало своего художественного выражения. В «Возмездии» ярко выразились две темы, две проблемы, давно волнующие поэта: отец и сын, Польша и Россия. Они перекрещивались в Варшаве и Петербурге, порождая «трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения» [1, т.3, с.296]. Эти противоречия касались и личной жизни семьи Блока, его родителей, его самого, его родственников, и того водоворота истории, в который попали Россия и Польша в начале XX века.

С самых юных лет в сознании Блока Варшава соединялась с его отцом, с чем-то родственным и далеким, близким и отчужденным, возбуждающим интерес и непонятым, притягивающим и отталкивающим. Позже, во время учебы поэта в Петербургском университете, отец сообщал сыну разные сведения о Варшаве, не только частного порядка, но и из области польско-русских отношений, не скрывая всех тех сложностей, которые постоянно проявляются в Варшаве. В то же время с семье Бекетовых, в которой воспитывался Блок, царило уважение к другим национальностям и культурам, господствовали литературные и научные интересы. К тому же детские и отроческие годы Александра Блока проходили в его общении с родственниками польского происхождения: Кублицкими-Пиоттухами, Лозинскими и Недзвецкими. В студенческие годы среди профессуры Петербургского университета многие видные ученые были польского происхождения: крупнейший специалист по философии права Лев (Леон) Петражицкий, профессор кафедры сравнительного языкознания Иван (Ян) Александрович Бодуэн де Куртенэ, преподаватель классической филологии Фаддей (Тадеуш) Зелинский. Все это не могло не оказать влияния на Блока, не привлечь его внимание к польской культуре.

Таким образом, постепенно Варшава, Польша и польская культура начинают занимать довольно важное место в кругу интересов Александра Блока. В его тетради, озаглавленной «Моя декламация, роли, заметки, стихи разных поэтов, выписки из книг и пр.» (1898 г. и позднейшие университетские времена), есть заметки о русских переводах польской поэзии (например, о стихотворении Асныка «Чудесный сон»). Там же находятся выписки из произведений Мицкевича.

В русской литературе рубежа веков можно заметить несомненный интерес к польскому романтизму, что прежде всего связано с деятельностью символистов.

Польский романтизм соответствовал такому пониманию романтизма, на котором настаивал А.Блок: «Подлинный романтизм вовсе не есть только литературное течение. Он стремится стать и стал на мгновение новой формой чувствования, новым способом переживания жизни» [1, т.6, с.363]. В творчестве Мицкевича Блок находил подтверждение своим мистическим представлениям о художественном творчестве. Именно при помощи мистики поэт пытался раскрыть тайну души. Мистицизм, свойственный польской романтической поэзии, привлекал Блока. В дневнике от 14 ноября 1911 года, рассуждая о тайнах возрождения славянского мира, он записал: «Пушкин, русская история, польский «мессианизм», Мицкевичев островок в Париже» [1, т.7, с.89].

Таким образом, мы видим, что Польша, ее история и культура глубоко проникли в творческое сознание Александра Блока, поскольку художественное воплощение польской темы требовало обстоятельного и всестороннего знания предмета. «Кроме того, – как пишет Б. Бялокозович, – пониманию Польши в той или иной степени способствовали петербургские и московские знакомые поляки Блока: мистик и впоследствии католический монах Александр Розвадовский, поэт, литературный критик и публицист Фаддей (Тадеуш) Налепиньский, а также в более позднее время сослуживец поэта по армии, инженер-путеец Владимир (Влодзимеж) Пшедпелский и режиссер, актер драматического театра Ричард (Ришард) Болеславский» [2, с.165].

Тадеуш Налепиньский был автором первой появившейся в Польше статьи о Блоке (в еженедельнике «Правда», в номере 10 за 1908 год), выдержанной в поэтическом стиле и полной восторга перед прекрасной поэзией Александра Блока. Здесь мы касаемся второго аспекта проблемы «Александр Блок и Польша», а именно – восприятие творчества Блока в Польше.

О популярности этого поэта в Польше говорит, прежде всего, огромное количество переводов его произведений, начавших появляться уже в 20-е годы. Переводили его как известные польские поэты и переводчики (Северин Поллак, Юлиан Тувим, Казимеж Анджей Яворский), так и малоизвестные даже в литературных кругах Варшавы (Ежи Карвин).

Первыми в Польше к творчеству А. Блока обратились представители поэтической группы «Скамандр», которая образовалась в начале 20-х годов. Ее основное ядро составили пять молодых и очень талантливых поэтов: Юлиан Тувим, Ян Лехонь, Антони Слонимский, Казимеж Вежинский и Ярослав Ивашкевич. Они не представляли поэтической школы, не выдвигали своей программы, а просто объединились вокруг журнала «Скамандр» и газеты «Литературные известия». Скамандриты не случайно обратились к поэзии Блока. Они отказывались от продолжения традиций «Молодой Польши», но по сути вышли из нее и были очень тесно связаны с символистской поэзией начала века. Переводы Тувима, появившиеся уже в 1918 году, сохраняют свою ценность до настоящего времени. В начале 20-х годов появились переводы Я. Лехоня, К. Вежинского, Л. Подгорского-Околова, В. Денгофф-Чарноцкого, Ц. Морской, С. Галевской. Большинство этих переводов (в основном стихов Блока 1905 – 1910 годов) было напечатано в сборнике 1923 года «Nowa poezja goslujka». В печати, связанной со скамандритским лагерем, появлялись также статьи и заметки о жизни и поэзии Блока. Особенно интересны были работы упоминавшегося уже К. В. Заводзинского, который считался ведущим литературным критиком скамандритской группы.

Наряду со скамандритами большую роль в популяризации блоковской поэзии в довоенной Польше сыграла люблинская поэтическая группа. Такие ее представители как Юзеф Чехович, Казимеж Анджей Яворский, Кароль Гусарский в 20-е годы очень увлекались поэзией Блока. А в 30-е годы это увлечение

нашло выражэнне в большым колькасці пераводаў, створаных Чеховічам, Яворскім і Лободовскім. Особо следуе сказаць о дзейнасці Казімежа Андзея Яворскага. Выступіў глашатаем ідэі славянскага сбліжэння яшчэ в сярэдзіне 20-х гадоў, калі ні в Польшы, ні в Расіі яна не пал'зоўвалася шырокім прызнаннем, Яворскі, пажалуй, як нікто другой із яго соотечественников, содействовал внедрению этой идеи в сознание прогрессивной польской общественности своими разносторонними усилиями – и как многолетний редактор журнала «Камена», и как литературный критик, и как издатель зарубежных славянских писателей в Польше, и как одаренный поэт-переводчик. Яворскі слыл большым поклонніком поэзіі Есенина, і пазже – Блока. Кроме переводов, напечатанных в журналах и газетах, он издал в 1934 году отдельный сборник блоковских стихов в собственном переводе под заглавием «Соловьиный сад» и другие стихи». В 1935 году появляются «Итальянские стихи», переведенные совместно с Ю. Лободовским. Публикации Яворского и Лободовского вызвали многочисленные рецензии и критические отклики.

В дальнейшие годы поэзия Блока также привлекает внимание переводчиков, критиков и исследователей. Довольно подробный обзор переводов и работ, посвященных Блоку, сделан Адамом Галисом [3]. В 60-е годы появляются в Польше первые научные работы, посвященные блоковской тематике.

Все это свидетельствует о несомненном интересе к творчеству Александра Блока со стороны польских переводчиков, поэтов, литературных критиков и читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. – М. - Л., 1960.
2. *Бялокозович Б.* Польша и поляки в творческом сознании Александра Блока. – В кн.: Родственность, преемственность, современность. О польско-русских и польско-советских литературных связях. – М., 1988.
3. *Галис А.* 18 дней и 80 лет // Литературное обозрение. 1980. – №10.
4. *Цыбенко Е.З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв. – М., 1978.
5. *Вараński Z.* „Polski” poemat Aleksandra Błoka. – In.: Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1973. – S. 229 – 237.
6. *Galis A.* Osiemnaście dni Aleksandra Błoka w Warszawie. – Warszawa, 1976.
7. *Kułakowski S. A.* Błok a Polska // Wiadomości Literackie. – 1927. – № 37.
8. *Pozniak T.* Aleksandr Błok w kregu spraw polskich // Literatura Radziecka. – 1980. – № 11. – S.154 – 160.
9. *Zawodziński K.W.* Polska w poemacie A. Błoka „Wozmiedzje” // Przegląd Warszawski. – 1923. – № 26. – S. 267–270.